

Е.И. Васильева

**Курдские историографы о курдских племенах
(от Шараф-хана Бидлиси — XVI в. до
Мирзы Али-Акбара Курдистани — XIX в.)**

В статье представлены воззрения шести курдских историографов, писавших свои произведения на персидском языке. Каждому из названных авторов были присущи свои взгляды на курдское племя, обусловленные его происхождением, социальным статусом и даже местом проживания (в деревне или в городе).

Ключевые слова: племя, племенное сообщество, хроника, историограф, первоисточник, княжество.

Место и значение племени в исторических судьбах курдов трудно переоценить. Племенная структура сопутствовала обозримой истории курдов изначально. Повидимому, она не накладывалась на все курдское общество напрямую, однако ее влияние испытывал на себе курдский социум целиком на всех уровнях своего бытия: в хозяйственной жизни, в структурах власти, в комплексе господствующих идей. В любой период прошлого политическая борьба, борьба за власть, в Курдистане происходила в обязательном обрамлении племенной идеологии. У истоков власти каждого правящего дома и династии стояло мощное племя или союз племен.

Курдское племя не несет в себе и намека на доисторизм и архаику, которыми наполнено традиционное понимание племени как типа социальной организации доклассового общества. Курдское племя — живая, мобильная и очень жизнеспособная социально-политическая и хозяйственная структура, построенная на идеях родства и всеплеменной солидарности. Принадлежность к племени могла проистекать из элементарной самоотдачи под покровительство племенного сообщества.

Историческая роль курдского племени лишь к концу прошлого столетия получила адекватную оценку в курдоведческой литературе. До этого оно оценивалось почти однозначно негативно, поскольку этноконсолидационные процессы в Курдистане спотыкались об идеи племенной солидарности постоянно. Ключ к разгадке феномена курдского племени находится в диалектической природе данной социальной структуры. В ней соединены воедино два мощнейших энергетических потенциала: нацеленный на разобщенность и не менее мощная потенция объединяющая. Ведущим представляется объединяющее начало, выраженное в общеплеменной солидарности.

Интегративно-охранительная потенция, заложенная в племени, обеспечивала его жизнестойкость и неиссякаемую способность к регенерации. В периоды экстремальной напряженности в Курдистане, во времена военных действий и разрухи, которыми так богата история страны курдов, в горах племя оставалось единственной структурой, сохранявшей способность в доступных ей пределах контролировать ситуацию. Племя выступало для курдов прибежищем экономического, политического и идеоло-

гического характера. Курды едва ли смогли бы сохранить себя даже как этническую общность, если бы в экстремальные моменты своей истории они не имели возможности уходить в свои горы, где их оплотом служили кочевье и племя.

В племени как социально-политической структуре мы имеем не более низкий уровень социального развития, а иной уровень усложненности, вернее, отсутствие усложненности. Такая позиция позволяет увидеть в племени не перманентно сохранявшийся «пережиток» или реликт родо-племенного строя, а лишь неосложненную, а потому мобильную и жизнеспособную модель социально-политической структуры. Именно это давало племени возможности для выживания, когда другая, более усложненная социально-политическая структура в Курдистане — эмират — потерпела крах и прекратила существование.

Шараф-хан Бидлиси (1543–1603/4)

В книге великого курдского историографа XVI столетия Шараф-хана Бидлиси «Шараф-наме» племена Курдистана занимают достойное место. Вводные слова историка уже посвящены происхождению курдских племен и их обычаям. Вне этой структуры курдский этнос Шараф-хан Бидлиси явно не представлял.

Племена олицетворяли собой силу и военную мощь курдского народа, и «среди правителей Курдистана те, чьи ашираты¹ и племена многочисленны и могучи, носили имя [своего] аширата, как то [правители] Хаккари, Сорана, Бабана и Арделана². Правители, владетели крепостей и местечек, были названы по тем крепостям...» (Шараф-наме, 1967, с. 87).

Племенным сообществам кельхор, берадост, думбули, мукри, махмуди, сулеймани, сувайди, зраки, мирдаси, пазуки, зенгене, шейх-мансур, зарза, астуни посвящены 14 разделов «Шараф-наме». В начале своего труда Шараф-хан Бидлиси собирался посвятить IX главу второй части сочинения даже ревностным езидам племени дасни³, однако в тексте книги глава отсутствует во всех известных рукописях. Скорее всего, она осталась ненаписанной.

Остальные могущественные племена Курдистана, описываемые в «Шараф-наме», не попали в оглавление хроники. В оглавлении главенствующее место принадлежит прославленным династиям и домам Курдистана, которые опирались на могучие курдские племена. Поэтому, отсутствуя в оглавлении, племена не уходят из повествования в тень, а присутствуют почти на каждой странице книги. По племенам книга Шараф-хана содержит ценнейший, уникальный материал. Первым упоминается бохти — крупное племенное сообщество, в течение длительного периода объединявшее племена, которые проживали на территории исторической области Джебзире, или эмирата Бохтан (курд. *Ботан*) в Центральном Курдистане. Шараф-хан на страницах своей хроники предпочитает называть эту историческую область именем племени, вилайетом Бохти. Для автора «Шараф-наме» имя правящего дома, название племени, которое служило правящему дому опорой, название его владений было едино: Бохти-династия, бохти-ашират, Бохти-вилайет.

Бохти-вилайет, название территории владений княжеского дома, представляется вторичным по отношению к бохти-племени и Бохти-династии, которые формировались, по всей видимости, почти одновременно. Прорыв фамилии наверх, к вершинам

¹ Термин, которым обычно обозначается «племя» в Курдистане.

² Племя и династия правителей именовались Бани Арделан («сыны Арделана»).

³ По словам Рашада Мирана, этноним «дасниец» употреблялся в качестве синонима конфессиональному «езид». См. (Рашад Миран, 2003, с. 65).

политической власти, как везде в Курдистане, обеспечивался мощью племени или племенного сообщества. С другой стороны, именно идея политического утверждения Бохти-династии могла сплотить воедино под её крылом целый ряд племен и племенных осколков, которые стали называться племенем бохти.

Племя бохти — одно из немногих современных племен, чье присутствие и участие в политической жизни региона зафиксировано источниками эпохи Халифата. Могучий замок в северной части города Джебзире, который держали под своим контролем правители Бохти, служил свидетелем и свидетельством их долгого присутствия и правления. Бохтинское племя, по свидетельству арабского историографа XIV в. Шихабалдина ал-Умари, выступало соперником другого могущественного курдского племенного сообщества — хумайди (EI², 1981, fasc. 85–86, Vol. V, P. 456).

Заметим, что на страницах книги Шараф-хана Бидлиси речь идет то об аширате (племени) бохти, то об аширатах (племенах) бохти (Шараф-наме, 1967, с. 175, 177, 181, 183–185, 191, 195, 197, 200). Здесь нет ни описки, ни неточности. Для автора «Шараф-наме» племя бохти (как и другие ведущие племена Курдистана) выступало одновременно и как племенное сообщество и единое целое, и как сумма слагаемых племенных единиц, которые, объединяясь, не теряли своей индивидуальности. Перевешивает явно восприятие бохтинцев как племенного сообщества, и «среди племен всего Курдистана» Шараф-хан Бидлиси выделяет племя, а не племена бохти.

Слова историка исполнены гордости, когда он пишет о бохтинцах. Они отличались мужеством и воинской доблестью, а также искусством верховой езды. У них весьма ценились и пользовались повышенным спросом дорогое оружие, снаряжение для битвы, арабские скакуны, египетские сабли и дамасские кинжалы. В ратный день они вставали перед врагом единым строем и стояли твердо и непоколебимо. Это выделяло их, по словам автора «Шараф-наме», «среди подобных и равных во всем Курдистане» (Шараф-наме, 1967, с. 175–176). Заметим, что превзойти остальные курдские племена мужеством и отвагой было непросто, поскольку, по свидетельству Шараф-хана, качествами великолепных воинов отличались все курды, и особенно курды племен.

Доблестное племя бохти дало жизнь могущественной фамилии, одному из выдающихся домов Курдистана, которые воплотили в себе курдские представления о знатности и княжеской власти. Дом этот по имени выдающегося своего представителя впоследствии стал известен как дом Бадрханидов.

Шараф-хан рассказывает, как дом эмиров, опираясь на бохтинские племена, обрел все больший политический вес и могущество. При этом по мере накопления мощи и вознесения на высоты политической власти правящий дом как бы дистанцируется от племенного сообщества бохти и претендует отныне на инородное и даже иноэтническое происхождение⁴. Корни родословного древа уже простираются до имени арабского полководца Халида ибн Валида, любимца пророка Мухаммада: семейного имени коснулся ореол святости.

Племя бохти, как можно заключить по рассказу Шараф-хана Бидлиси, оставалось оплотом княжеского дома, ревностно оберегая его от внешних посягательств. Давлению извне, когда решался вопрос о власти в эмирате, племя противостояло упорно и неустрашимо, от кого бы ни исходило давление. Дом эмиров Бохтана и племенное сообщество бохти определяли социально-политическую ситуацию в княжестве. Княжеский дом правил, возвышаясь над всей социальной структурой эмирата, племя

⁴ Подробнее о претензиях многих курдских правящих домов на инородное происхождение см.: Васильева Е.И. Версии «инородного» происхождения знатных курдских фамилий как социальный феномен // ПИПИКНВ. XXIV. Ч. I. М., 1991.

служило его опорой, а их отношения — тем стержнем, на который нанизывалась конкретика социально-политической жизни.

От внутренних потрясений, борьбы за власть между различными ответвлениями правящего семейства, как мы видим по описанию Шараф-хана Бидлиси, племя бохти не спасало, а временами выступало даже их питательной средой. Вопросы наследования княжеского трона решались волеизъявлением племенного сообщества, неизменной оставалась преданность дому эмира, идея несменяемости фамилии.

Дом правителей Бохтана и бохтинское племя пережили за свою историю не один тяжелейший период, когда их история на полстолетия погружалась во тьму. Так было после штурма эмиром Тимуром крепости Джебзире, разрушения её и бохтанских областей. Но зоркий глаз Шараф-хана Бидлиси разглядел в этой тьме имена двух правителей Бохтана. Племя бохти громко заявило о себе с приходом к власти Хасан-бека Ак Коюнлу (1453–1478), ответив на его усиление яростным сопротивлением. В результате Бохтан оказался захваченным туркменами Ак Коюнлу. Бохтан и Джебзире оставались под властью Ак Коюнлу в течение 30 лет, проведенных, как пишет Шараф-хан Бидлиси, «на коленях отчаяния и безнадежности»⁵ (Шараф-наме, 1967, с. 184).

Была перебита, как сообщает автор «Шараф-наме», большая часть знати племени бохти, а представителей правящего дома самого эмира увезли, заковали в оковы и заточили в тюрьму. Племя бохти раскололось. Эмиру Шарафу, возглавившему сопротивление бохтинцев, когда «солнце могущества государей Ак Коюнлу» стало клониться к закату», пришлось начинать с объединения бохтинцев, и он собрал под своим знаменем «всех оставшихся в живых из племени бохти» (Шараф-наме, 1967, с. 183, 184). Последнее замечание историка дает основания утверждать, что карательные акции Ак Коюнлу не ограничивались знатью племени бохти и правящим домом, а были направлены на все бохтинское племенное сообщество.

Опираясь на восстановленную мощь аширата бохти, эмир Шараф освободил «наследственный вилайет» и к концу XV в. стал независимым правителем. Однако не успели его дядья и братья выбраться из туркменской тюрьмы, как новый грозный враг в лице поднимающихся Сефевидов появился у Бохтана, его правящего дома и племени бохти.

Вытесняя туркмен Ак Коюнлу, шах Исмаил Сефеви (1501–1524) завладел курдскими областями Диарбекир, Мосул, Синджар и послал войско на Джебзире. Между кызылбашами и племенем бохти произошло не одно сражение, и каждый раз, как пишет Шараф-хан, победителями выходили эмир Шараф и его бохтинцы. В одном из сражений были убиты 1078 кызылбашей, многие попали в плен. После третьего безуспешного похода прославленных полководцев шаха Исмаила на территорию эмира Шарафа больше не вторгались до самой его смерти. Вся жизнь этого правителя прошла в борьбе за Бохтан или в подготовке к этой борьбе.

Шах Али-бек, преемник эмира Шарафа, в числе двенадцати эмиров Курдистана, как пишет автор «Шараф-наме», отправился к шаху Исмаилу. Все двенадцать изъявили покорность и желание служить и в результате по воле шаха оказались в заточении. Их владения были переданы шахским наместникам. Освободившись из заточения, Шах Али-бек сразился с кызылбашами, прогнал шахского наместника и заключил с правителем Бидлиса и дедом автора «Шараф-наме» эмиром Шарафом братский союз. В своей политике отныне он ориентируется на турецкого султана.

На правах названного брата бохтанский эмир постоянно вмешивался во внутренние дела Бидлисского эмирата, в особенности когда решались вопросы наследования

⁵ Слова историка исполнены скорби, такая же участь постигла племя рузбеки и Бидлиссский эмират, к дому правителей которого принадлежал Шараф-хан, о чем ниже будет упомянуто.

власти. В результате чрезмерная опека бохтинцев вызвала не одно сражение племен бохти и рузеки.

Вмешиваясь в дела наследования княжеского престола в Бидлисе, племя бохти постоянно вступало в противоборства с той частью племени рузеки, которая поддерживала соперничавшую ветвь правящего дома. По этой причине отношения племен и правящих в Бидлисе и Джебзире фамилий не поддаются однозначному определению — они, безусловно, были очень заинтересованы. Однако Шараф-хан испытывал гордость за ашират бохти, само название которого ассоциировалось у курдов, по словам историка, с воинской доблестью (Шараф-наме, 1967, с. 175).

На конец XVI в., время написания «Шараф-наме», положение своего современника эмира Шарафа, который именуется «квинтэссенцией правителей Джебзире», историограф охарактеризовал как независимое (Шараф-наме, 1967, с. 201, 202), казной и богатствами, какие принадлежали эмирам Джебзире, по словам Шараф-хана Бидлиси, не владел ни один из правителей Курдистана.

С наибольшей теплотой, и это естественно, описано Шараф-ханом Бидлиси племя рузеки (курд. *рожки*) — опора, хранитель и строитель дома бидлисских эмиров, к которому принадлежал автор «Шараф-наме». Схема, по которой происходило построение племенного содружества рузеки из племен и племенных осколков для завоевания и захвата Бидлиса и Бидлисской области, по всей видимости, является классическим примером образования племенного сообщества.

Акция по захвату Бидлиса и области была произведена стремительно. Племена курдов, частично местных («старинные племена Бидлисского вилайета»), частично, как следует понимать авторское замечание, прибывших откуда-то еще, собрались и за «один день»⁶ поделили область, т.е. договорились, кто и чем будет владеть. Тут же избрали верховного вождя созданного таким образом племенного сообщества.

К завоеванию приступили не откладывая. Тактика захвата была отработана настолько четко, что планы вскоре обрели реализацию, и рузейцы утвердились в Бидлисе. Военно-стратегический союз племен стал перерастать в племенное содружество. Вначале дружили против тех, кто владел Бидлисским вилайетом, затем, соответственно, против желающих его отобрать. Недостатка в желающих не было никогда, область привлекала своим плодородием и геостратегическим расположением.

В племенном сообществе рузеки вскоре начались разногласия: «Все в племени рузеки пошли один на другого, и никто никому не подчинялся» (Шараф-наме, 1967, с. 404). Умер тот, кого поставили во главе племени, и не оставил наследника. К тому же, без сомнения, он принадлежал к одному из племен содружества. В подобной же ситуации, как можно понять из текста «Шараф-наме», оптимальным кандидатом на место главы племенного сообщества был тот, кто не принадлежал ни к одному племени и от всех племен был равно удален. И главы аширатов рузеки приступили к строительству правящего дома, который бы отвечал этим требованиям. На правление пригласили одного из двух братьев, отпрысков царского рода Сасанидов, и, как гласит легенда, приведенная Шараф-ханом Бидлиси, в результате один из братьев стал управлять в Бидлисе, другой — в Хазо.

Как бы в действительности ни обстояло дело с приглашением двух братьев, с реальностью самого их существования и родства с Сасанидами, важным в данной ситуации, красочно и подробно описанной в «Шараф-наме», представляется одно обстоятельство. Ашират рузеки выстроил правящий дом, утвердившийся на власть в Бидлисе, и позаботился о его царственном имидже. Для создания легенды реальность

⁶ Такова сохраненная местной традицией этимология названия племенного сообщества рузеки — букв. «1 день».

описанных событий не столь существенна, и автор, как представляется, прекрасно это понимал. Возникнув, легенда «работала» на имидж дома, служила возвеличению семейного имени. Дом правил, вознесенный над племенной структурой и равноудаленный от всех её частей. Он призван был повелевать, племя рузеки — служить его стальными мускулами и заботливым опекуном.

Ашират рузеки был опорой эмирского дома, к которому принадлежал Шараф-хан Бидлиси. К концу XVI в., во время написания «Шараф-наме», ашират состоял из 25 племен. Двадцать из них составляли два крыла племени: бильбаси и кавалиси и еще пять, как «старинные племена Бидлиского вилайета», стояли как бы особняком. Возможно, система двух ветвей, племенных единиц, стоявших особняком, и даже количественное соотношение создавали оптимальные возможности для воздействия на племенную жизнь, на ее организацию и преодоление племенных конфликтов.

Соперничество двух ведущих подразделений аширата рузеки проявляло себя весьма заметно. Сплоченными рядами они выступали далеко не всегда. Наиболее острым было соперничество, когда появлялась возможность повлиять на изменения во властных структурах княжества. Внести свою лепту в решение вопроса престолонаследования стремились оба крыла аширата рузеки. Шараф-хан Бидлиси приводит красочный тому пример.

В 1493/94 г. после смерти эмира правителем Бидлиского эмирата с подачи кавалисийского крыла стал эмир Ибрахим, и «ведение важных дел перешло к племенной знати кавалиси» (Шараф-наме, 1967, с. 439, 440). Главы племен бильбасской ветви выразили недовольство. Верховный глава бильбасов Шейх Амир Бильбаси принял решение, весьма существенно повлиявшее на судьбу деда автора «Шараф-наме», эмира Шарафа. Наперекор племени кавалиси Шейх Амир Бильбаси и его ашират прибыли «на службу» к эмиру Шарафу в Муш, где он находился в качестве княжеского наместника. Их стараниями эмир Шараф был утвержден на бидлиском троне. Впечатляющая акция по провозглашению нового эмира, каковым стал эмир Шараф, последовала сразу по приезде в Бидлис. Шейх Амир Бильбаси собственноручно волоком стащил с трона эмира Ибрахима, а затем за руку возвел на его место эмира Шарафа с пожеланием, «дабы каждый отныне занимал свое место» (Шараф-наме, 1967, с. 440, 444).

Подобная ситуация тем не менее наблюдалась крайне редко. Гораздо чаще всеми своими ветвями ашират рузеки защищал княжеский дом, выступая хранителем семейного очага. Дом бидлиских эмиров и племя рузеки один без другого теряли свою силу и мощь. Стоило дому хотя бы на время утратить власть, и племенное сообщество немедленно погружалось в анархию и распри. Поэтому опекали семейство эмиров как гарант стабильности племени истово, беззаветно, самозабвенно.

Имя княжеского рода имело для аширата рузеки магнетическую притягательность, оно одно могло поднять и мобилизовать племя на борьбу, на восстановление своего единства. Во имя дома и его утверждения на бидлиском троне ашират рузеки, даже находясь в состоянии полнейшей разобщенности, обретал новые силы и рвался в бой. Как показано Шараф-ханом Бидлиси на примере истории своих прародителей, амбиции племени и его устремленность на восстановление власти княжеского дома порой даже опережали готовность самого правящего семейства. Иницилирующей стороной выступало племя.

В «Шараф-наме» можно обнаружить яркие примеры того, как ашират рузеки восстанавливал дом бидлиских эмиров, временами, казалось бы, уже обреченный на политическое небытие. Именно такая ситуация возникла в XV столетии, когда Бидлиский эмират, как и Бохтанское княжество, оставался во владении наместников

султанов Ак Коюнлу. В Бидлисе, как и в Дезде, хозяйничали наместники Белобаранных султанов.

Шараф-хан Бидлиси подробно и красочно описывает, как ашират рузеки взял на себя восстановление княжеского дома в Бидлисе. Энтузиасты из рузекйцев привозят отпрысков княжеского семейства одного за другим, даже малолеток, порой без согласия матери. Убеждают, умоляют, ссылаются на божественные речения, услышанные во сне. Имя дома эмиров служило знаменем, во имя дома рузекйцы снова и снова устремлялись в бой и гибли в сражениях. Гибли и представители княжеской семьи — в одном из сражений погиб прадед Шараф-хана Бидлиси, тоже призванный и доставленный в Бидлис рузекйцами. В конце концов к 90-м годам XV в. ценой таких усилий аширата рузеки власть дома бидлисских эмиров была восстановлена.

В XVI столетии бохтинцы и Бохтан, эмирский дом Бидлиса и ашират рузеки, едва оправившись от войн с султанами Ак Коюнлу, приняли на себя удары не меньшей силы, оказавшись в эпицентре ирано-турецкого противостояния.

В нескончаемых сватках сцепились две империи-гиганта: Османская, давно набравшая обороты своего могущества, и Сефевидская, только что порожденная взрывоопаснейшим соединением идей исламского мистицизма и племенной солидарности. В войну двух империй были вовлечены все курдские территории, она раздирала курдский мир надвое. Курдские правители вынуждены были метаться из стороны в сторону, меняя политическую ориентацию порой на 180 градусов.

Исключительная важность геостратегического положения страны курдов заставляла османских султанов и сефевидских шахов пристально отслеживать ситуацию в каждом курдском княжестве и племени. К Бидлисскому эмирату и к племени рузеки относились с особым вниманием, что очевидно на примере жизненного пути самого Шараф-хана Бидлиси, его отца и деда (см.: Васильева, 2005).

История племени рузеки, описанная в «Шараф-наме», позволяет оценить племенную солидарность как социальный феномен. Чудеса самоотверженности, преданности аширата рузеки рождены идеологией племенной солидарности. Не будучи генетическим образованием, ашират рузеки тем не менее был связан узами крови — крови, пролитой на полях сражений во имя интересов племени, его мощи и чести, во имя правящего дома бидлисских эмиров. Обращение к описанию рузеки в хронике Шараф-хана Бидлиси позволяет заметить, что главенствовала идея племенной солидарности, а не идея родства — реального или придуманного. Главенствовало единение ради единства и единство ради единения.

Предки Шараф-хана Бидлиси, по крайней мере, трижды заявляли о своем независимом статусе, и автор «Шараф-наме» самолично видел монеты — дирхемы с именами бидлисских правителей.

Наибольшую гордость у Шараф-хана вызывали монеты «шамсадинки», отчеканенные в правление эмира Шамсадина в XV столетии — «во времена смут, поднятых туркменами». Эти монеты были известны в городах Курдистана, знатные семьи хранили их как «залог счастья для всей страны курдов» (Шараф-наме, 1967, с. 422), они обрели магнетизм символа и силу талисмана. И здесь невозможно не привести исполненные гордости за свой дом и за ашират рузеки слова автора «Шараф-наме»: «Если у могущественных государей возникнет желание покорить Курдистан, несомненно, в первую очередь они будут иметь дело с правителями Бидлиса и с аширатом рузеки» (Шараф-наме, 1967, с. 405).

Для Шараф-хана Бидлиси племенное сообщество рузеки олицетворяло собой мощь и преданность, силу и величие для всей страны курдов. Много интересного рассказано в хронике Шараф-хана Бидлиси о курдских племенах. В качестве последнего при-

мера остановимся на судьбе племени малкиши (оно же — племя чемишгезек). Это племя пережило вместе с правящим домом эмиров и стремительные взлеты, и падения, сопровождавшиеся казнями, и многочисленные переселения. Даже название племенного сообщества успело измениться, но загадка была разгадана и доказана.

Чемишгезек — курдское племенное сообщество, которое стало именоваться по названию своего исконного места обитания — района Чемишгезек (Дерсим, турец. Тюнджели), окруженного неприступными горами. В настоящее время он представляет собой одну из наименее заселенных и наиболее неприступных частей Курдистана (Bruinessen, 1992, p. 150).

В правление эмиров Чемишгезека, которое продолжалось не одно столетие, их княжество, по свидетельству Шараф-хана Бидлиси, охватывало значительную территорию, насчитывало 16 округов и 32 крепости и было весьма могущественно. В глазах мира внешнего, как можно заключить из текста «Шараф-наме», оно служило символом мощи и неприступности Курдистана. По словам Шараф-хана Бидлиси, в Курдистане княжество занимало столь обширную территорию, что «знать, простой народ и особенно отмеченные великолепием хаканы в [своих] грамотах и указах называют их страну Курдистаном, и всякий раз, когда в курдской среде упоминают Курдистан, именуют в виду Чемишгезек» (Шараф-наме, 1967, с. 221).

На страницах «Шараф-наме» ашират чемишгезек появляется тем не менее не в главе, посвященной правителям Чемишгезека, а в контексте описания думбулийского племени, в части третьей «О курдских эмирах Ирана». В главе «О правителях Чемишгезека» говорится об аширате малкиши. Именно таким образом, согласно Шараф-хану Бидлиси, называли племенное сообщество княжества Чемишгезек — именем Малкиша, его легендарного основателя⁷.

Подобно племенному сообществу рузеки, образованному в X столетии для завоевания Бидлиса, ашират малкиши был образован для захвата области, которая составила территорию эмирата Чемишгезек.

Костяком аширата малкиши стала огромная дружина, собранная Малкишем. Племенное объединение составило, по свидетельству Шараф-хана Бидлиси, три части: «На весь Курдистан славятся они многочисленностью [своих] аширатов и племен, приверженцев и помощников. Около 1000 их семейств служили при дворе государей Ирана» (Шараф-наме, 1967, с. 221).

Потомки Малкиша, согласно «Шараф-наме», пережили тревожные времена Чингиз-хана, эмира Тимура Гургана, Шахрух-мирзы, Кара Юсуфа Кара Коюнлу. Серьезные испытания и для правящего дома Чемишгезека, и для племенного сообщества малкиши начались с приходом к власти Узун Хасана Ак Коюнлу. Желая «истребить и уничтожить» правящий дом эмиров Чемишгезека, туркменский султан предпринял завоевательные акции, в результате которых Чемишгезек перешел к ставленнику Узун Хасана. Однако эмир Чемишгезека Шейх Хасан сумел, как пишет Шараф-хан Бидлиси, изгнать «то сборище из наследственного вилайета» (Шараф-наме, 1967, с. 222) и вернуть свои владения.

После заката власти Ак Коюнлу в самом начале XVI столетия на политический Олимп в Иране стремительно вознеслись Сефевиды. В начале пути их политическая энергия была такова, что к 1512 г. северо-западная граница Сефевидской империи проходила через Урфу, Чемишгезек и Эрзерум (Bruinessen, 1992, p. 139). На завоевание Чемишгезека был направлен кызылбашский эмир Нур Али Халифе. Правивший в те времена в Чемишгезеке внук Шейх Хасана Хаджи Рустам-бек добровольно пере-

⁷ Как полагает автор «Шараф-наме», его звали Малик-шахом, но с течением времени имя стало произноситься как Малкиш.

дал кызылбашам все 16 округов и 32 крепости эмирата Чемишгезек, который на время прекратил существование. Сам Хаджи Рустан-бек, согласно рассказу Шараф-хана Бидлиси, выехал в Иран, был шахом Исмаилом I обласкан и взамен Чемишгезека получил в управление область в Ираке Персидском.

Племенное сообщество малкиши подверглось со стороны ставленника шаха Исмаила притеснениям и сильнейшему давлению, значительная часть малкишиицев (в том числе знатные, «сыновья эмиров») была казнена. Судьба Хаджи Рустам-бека сложилась неблагоприятно. Он участвовал в Чалдыранском сражении 1514 г. на стороне Исмаила I, а когда тот бежал, отправился «лобызать султанское стремя» и был казнен по приказу султана вместе с четырьмя знатными малкишиицами.

Последний раз племя малкиши упоминается в книге Шараф-хана Бидлиси в связи с поездкой Пир Хусейн-бека, сына казненного султаном Хаджи Рустам-бека, «к небесноподобному порогу» Селима I — в сопровождении 40 представителей племенной знати. Пораженный бесстрашием Пир Хусейн-бека, султан возвратил ему управление Чемишгезеком (который при этом необходимо было отобрать у кызылбашей!).

Более племенное сообщество малкиши в «Шараф-наме» не упоминается. На страницах хроники появляется племя чемишгезек (Шараф-наме, 1967, с. 362, 369, 370, 378), при обстоятельствах довольно неожиданных и даже загадочных. Согласно «Шараф-наме», племя чемишгезек издавна (!) проживало в Чохур-Сааде, как называли Кавказскую Армению, или область Еревана (Петрушевский, 1949, с. 101). Далее представлена информация еще более удивительная: в правление шаха Султан Мухаммада Худабанде (1578–1587) Назар-бек Думбули и несколько кызылбашских (!) эмиров из племен румлу, албаут, чемишгезек и саадлу отправились к «небесноподобному османскому двору» (Шараф-наме, 1967, с. 362). На вопрос, почему глава курдского племени чемишгезек у Шараф-хана Бидлиси поименован кызылбашским эмиром, мы попытаемся ответить ниже.

Племя чемишгезек приведено Шараф-ханом Бидлиси в списке курдских племенных сообществ Ирана (Шараф-наме, 1967, с. 369). При этом автор «Шараф-наме» отмечает, что лишь четыре племени из перечисленных 18 «с давних времен имеют в своей среде эмиров и благороднорожденных, которые правят согласно праву наследования» (Шараф-наме, 1967, с. 370). Шараф-хан Бидлиси упоминает о религиозных воззрениях, бытовавших среди племен чемишгезек и пазуки, чей «образ действий и поведения таков, что их не подобает называть мусульманами» (Шараф-наме, 1967, с. 378). Шараф-хан так высказывается неслучайно. Свой рассказ о племени пазуки он вообще начинает словами «большинство их аширатов и племен установленную религию не исповедуют и в делах одобряемых и в отвержении запретного чрезмерного усердия не проявляют» (Шараф-наме, 1967, с. 375).

Таков перечень сведений о племенном сообществе чемишгезек, которые сообщает автор «Шараф-наме». Все эти замечания (вне текста главы о правителях Чемишгезека) нуждаются в пояснении и расшифровке. Начнем с религиозных воззрений и с того, что фактически Шараф-хан Бидлиси отказывает племени чемишгезек в принадлежности к исламу.

Действительно, в северо-западной части Курдистана получило распространение вероучение, последователей которого часто называют крайней шиитской сектой. Персы-шииты именовали их *али-илахи* — «обожествляющими Али», «алибожниками» (Петрушевский, 1966, с. 307). М. ван Брёйненсен называет их Alevis, алавитами.

В различных районах Северо-Западного Курдистана, по свидетельству М. ван Брёйненсена, степень приверженности к алавизму была неодинакова. В Дерсиме (Чемишгезеке) обитали столь ревностные приверженцы вероучения, что, по мнению

автора, совпадающему почти слово в слово с высказыванием Шараф-хана, их вообще едва ли можно было назвать мусульманами (Bruinessen, 1992, p. 23, 109, 268; Шараф-наме, 1967, с. 378).

По сведениям В.П. Никитина, курды, проживающие в горах Дерсима, исповедуют религию, близкую к езидизму, и их называют то туджиками (Toujiks), то кызылбашами (Nikitine, 1956, p. 235).

И.П. Петрушевский называет кызылбашами всех последователей этой религии, проживающих в Турции, — так их поименовали в память об участии в кызылбашском движении XV–XVI вв., которое они активно поддержали против суннитских государств Ак Коюнлу и Османской империи.

Замечание И.П. Петрушевского помогает прояснить все возникшие вопросы. Отпадает вопрос, почему в «Шараф-наме» глава племени чемишгезек назван в числе кызылбашских эмиров. Под влиянием острейшего османо-сефевидского противостояния курды-«алибожники» из Чемишгезека (Дерсима) могли ассоциироваться с кызылбашами, которые служили опорой династии Сефевидов и выступали под знаменами воинствующего шиизма.

Благодаря сведениям И.П. Петрушевского обретает логическую обоснованность политическая линия, которой следовал правящий дом Чемишгезека, и в частности беспрецедентная акция по добровольной передаче неприступного горного района Чемишгезек кызылбашскому эмиру, направленному шахом на его завоевание — в начале XVI в. Власти Османской империи справедливо оценили этот шаг как проявление симпатии к Сефевидам. Именно за это и казнил его султан Селим I в 1514 г. незамедлительно в день приезда к «его порогу», а не за события многолетней давности, как объясняет Шараф-хан Бидлиси (Шараф-наме, 1967, с. 223).

Таков перечень сведений о племени чемишгезек, которые мы находим в «Шараф-наме», основополагающем источнике по истории Курдистана. Увязав и сопоставив скудную информацию хроники о племени чемишгезек с историей правящего дома эмиров Чемишгезека и с тем, что сообщается об аширате малкиши, попытаемся обнаружить очертания исторического пути племенного сообщества чемишгезек и наметить его хотя бы пунктирной линией.

В.Ф. Минорский фактически ставит знак равенства между племенными сообществами малкиши и чемишгезек. Для него на этот счет не существовало вопроса: чемишгезек, «большое племя... подверглось преследованию со стороны Ак Коюнлу, скомпрометировав себя приверженностью к Кара Коюнлу» (EI², 1981, Vol. V, fasc. 85–86, p. 457). Рассказывая о событиях, связанных с султанами Кара Коюнлу и Ак Коюнлу вплоть до середины XVI столетия, Шараф-хан называет племенное сообщество Чемишгезека малкиши, но для мира внешнего оно могло носить и другое название — чемишгезек, по ассоциации с занимаемой им областью.

Переселявшиеся в Иран части аширата именовались чемишгезек, и таких переселений было не одно. Часть племенного сообщества, и достаточно представительная, покинула Чемишгезек, сопровождая в Иран Хаджи Рустам-бека после передачи им крепостей и округов кызылбашам. Оставшаяся в Чемишгезеке часть племени подверглась со стороны кызылбашского наместника притеснениям и казням. «Великие и малые аширата», по словам автора «Шараф-наме», донесли до небесной сферы призыв к непослушанию, поспешили в Ирак Персидский и Исфахан за Хаджи Рустам-беком.

Лишившись лидера, испытывая гонения, племенное сообщество неминуемо должно было подвергнуться деформации. Последовали новые переселения частей племени, и путь их лежал в Иран. После Чалдыранского сражения, закончившегося разгромом шахского войска, Хаджи Рустам-бек, который оставался главой конфедера-

ции племен Чемишгезека, радикально изменил свою политическую ориентацию, прибыл, как упоминалось выше, на поклон к султану Селиму и был казнен вместе с представителями племенной знати. Эмират Чемишгезек удалось вернуть его сыну Пир Хусейн-беку, и во время своего правления, согласно «Шараф-наме», он обладал всей полнотой власти. Однако к концу XVI столетия некогда могущественное княжество Чемишгезек, чье название ассоциировалось с Курдистаном, подверглось на основании султанского указа целенаправленному дроблению на условные земельные пожалования сыновьям и внукам Пир Хусейн-бека. Чемишгезек поделили на два *санджака* и четырнадцать *зиаметов* и *тимаров*, и при этом оговаривалось весьма важное условие: потомки Пир Хусейн-бека впредь не должны помышлять о большем и желать «иног звания и должности в хранимых Богом государевых владениях» (Шараф-наме, 1967, с. 226). К этому следует добавить, что сама крепость Чемишгезек, а также деревни и округа, «достойные принадлежать государю», перешли в августейшие домены. Эмирский дом распался на конфликтующие из-за *зиаметов* группировки. Аналогичный процесс переживало и племенное сообщество недавно могущественного княжества. Оно неминуемо должно было распасться на осколки, значительная часть которых оказалась за пределами Дерсима (Чемишгезека).

Один из таких отколовшихся осколков племени поселился в Луристане (район Пошткух) и называется в книге Шейх Мухаммада Мардуха племенем малкиши (маликшахи) (Тарих-и-Мардух, 1944, т. I, с. 113). Два других осколка племенного сообщества, покинувших Чемишгезек, поселились в Ереванской области (Чохур-Сааде) и в Агдаше, округе Ширванского вилайета. Оба упоминаются в книге И.П. Петрушевского под названием чемишгезек (Петрушевский, 1949, с. 139, 141).

В начале царствования шаха Аббаса I ашират чемишгезек родился заново — шахским приказом осколки племенного сообщества, разбавленные «курдами различного происхождения», были оформлены в трибальную конфедерацию под названием чемишгезек⁸ и отправлены в Хорасан для охраны границ от туркмен.

Племя чемишгезек в Хорасане поселилось, однако возлагаемые на него надежды по охране порядка оправдывало далеко не всегда. В 1727 г. племя чемишгезек отказалось помочь Надиру Афшару проучить туркмен и участвовать в карательной экспедиции. Более того, «по наущению правителя Чемишгезека Мухаммада Хусейн-хана» отказалось повиноваться и племя карачорлу, и в результате курды напали на надировского полководца Ибрахим-хана. При повторной атаке армия его не устояла и понесла позорное поражение. Правительственное войско потеряло тысячу человек убитыми — так написано в хронике «миропокорителя Надира». Потребовалось вмешательство самого Надира, который напал на курдов. Те продолжали сопротивляться: «выходили из своих крепостей и укреплений и разжигали огонь битвы» и смирились только тогда, когда большая часть из них была перебита. Впредь курдские племена обязались служить и быть покорными. Заложницей их покорности стала племенная знать, которую поселили в городе Мешхеде. По сведениям В.Ф. Минорского (ЕІ², 1981, Vol. V, fasc. 85–86, p. 461), в Мешхед были переселены оба племени, чемишгезек и карачорлу.

Позднее, согласно М. ван Брёйнессену, конфедерация племен чемишгезек распалась на две части, каждая со своим иль-ханом. Обе части, которые автор называет конфедерациями (Bruinessen, 1992, p. 134), сохранили стабильное положение вплоть до XX столетия. Возможно, это разделение было связано с событиями XVIII в. и временем Надира Афшара.

⁸ М. ван Брёйнессен называет ее конгломератом курдов различного происхождения (Bruinessen, 1978, p. 150).

Таким образом, племенное сообщество чемишгезек, чьи корни находились в горах далекого неприступного Дерсима, волею своей исторической судьбы оказалось в Хорасане, на восточной окраине иранского мира. Дерсим, откуда родом было племя чемишгезек, сохранял значительный военный потенциал до середины XIX столетия. По сведениям В.П. Никитина (Nikitine, 1956, p. 235), дерсимцы в те времена могли поставить под ружье от 30 до 40 тысяч человек.

* * *

Единственное, в чем упрекает Шараф-хан Бидлиси курдские племена, — это то, что не проявляют они между собой взаимного послушания и покорности, что между ними нет единства. «Каждое племя в стремлении к самостоятельности подняло знамя строптивости. Обитая на вершинах гор, они **по самой своей природе** склонны к независимости. Иначе чем для восхваления Божия они не имеют единого мнения... У курдов нет единого всепризнанного правителя» (Шараф-наме, 1967, с. 85), — с горечью заключает историограф.

Шараф-хан посвящает всю свою бесценную книгу идее курдского единства. Он собрал под крышей курдского дома, как можно назвать его хронику, всех курдов, понимая под курдами разрозненные, говорящие на различных диалектах курдские племена, часть которых придерживалась таких неприемлемых с точки зрения правового мусульманина (Шараф-наме, 1967, с. 175, 327) вероучений, как езидизм.

Абдарраззак-бек Думбули (1762/63–1827/78)

Думбули — название известного курдского племени. Название его и происхождение связывают с областью Диарбекир — там находилась крепость, называвшаяся, как и племя, и там оно первоначально проживало. Позднее (и на это указывает Шараф-хан Бидлиси) думбулийцы бытовали в области Джебзире или вилайете Бохти (Бохтане), и курды иногда называют тех думбулийцев *думбул-и-бохт* (Шараф-наме, 1967, с. 357). К концу XVI в., во время Шараф-хана, думбулийцы переместились на восток. Туркменскими династиями Кара Коюнлу и Ак Коюнлу была востребована их военная мощь, а за воинскую службу племя получило в кормление округ Салмас к северо-западу от Хоя в Иранском Азербайджане. При Узун Хасане Ак Коюнлу (1453–1478) думбулийцам поручили «охрану и защиту, оберегание и управление» территории хаккарийских курдов, и вся область Хаккари оказалась под полным контролем думбулийцев.

Все возрастающая военная мощь думбулийского племенного сообщества способствовала усилению и вознесению на вершины политического Олимпа семейства племенных вождей, которые, начиная с правления шаха Тахмасба (1524–1576), именуются «правителями хойскими и думбулийскими».

Опасаясь усиливающегося влияния думбулийцев в Курдистане (Петрушевский, 1949, с. 105), шах предпринял массовое истребление племени. Оставшиеся в живых думбулийцы и члены правящего дома укрылись у Османов, были обласканы и снискали «безграничные щедроты монарха». Шах Тахмасб оставшимся в живых думбулийцам тоже оказал амнистию.

Непростой была дальнейшая судьба думбулийского племени на границе между двумя враждующими империями, но в 1747–1828 гг., которые И.П. Петрушевский назвал периодом полунезависимых ханств в Азербайджане и Кавказской Армении, в числе названных им шестнадцати ханств присутствует ханство Хойское и Думбулийское. Во всех этих ханствах правили наследственные *хакимы*, главы кочевых племен (Петрушевский, 1949, с. 86).

Из семейства *хакимов* хойских и думбулийских вышли не только «великие эмиры» и правители. Из дома вождей думбулийского племени, которое в литературе именуется не иначе как кочевым⁹, вышли видные военачальники и полководцы. Выходцем из этого дома был курдский историограф и поэт Абдарраззак-бек Думбули, автор около двух десятков произведений. Наибольшую известность получила его книга «Ма'асир-и султанийе» («Памятные деяния султанов», двух первых государей из династии Каджаров).

Недавно в ереванском Матенадаране обнаружена редкая рукопись сочинения Абдарраззак-бека Думбули «Тарих-и данабиле» («История думбулийцев»), пока не изданная. Особенно подробно в хронике представлены события XVII и XVIII вв. То, что историограф посвятил свой труд не только правящему дому, а всему племенному сообществу, представляется весьма ценным и неординарным.

Отец историографа Наджаф-Кули-хан был одним из верховных военачальников Надир-шаха Афшара, участвовал во всех его битвах и военных операциях и был назначен беглербегом Тебриза (Папазян, 1975, с. 212; Бамдад, 1966, т. II, с. 264).

Жизненный путь самого Абдарраззак-бека Думбули складывался по-разному. Малолетним мальчиком по настоянию Керим-хана Зенда (1750–1779) он был отправлен в Шираз заложником преданности отца и находился в таком качестве четырнадцать лет. Заложники были распущены в 1784/85 г. Ага Мухаммад-ханом Каджаром. Абдарраззак-бек выехал в Тебриз и занялся поэзией и историографией. Впоследствии он стал любимцем наследника иранского престола Аббас-мирзы (1783–1833) и вошел в его кабинет.

Абдарраззак-бек Думбули не был единственным историографом–выходцем из думбулийского племени. А.Д. Папазян обнаружил в ереванском Матенадаране еще одно сочинение — «Ишарат ал-мазахиб» («Очерки о верованиях»), принадлежащее перу Рустам-хана ибн Ахмад-хана Думбули. Книга написана в городе Хое в 1266/1849–50 г. (Папазян, 1975, с. 214). Рукопись сочинения Рустам-хана Думбули содержит описание ответвлений думбулийского племени начиная с эпохи раннего средневековья и кончая его временем.

Мела Махмуд Баязиди (1797–?)

«Шараф-наме», труд выдающегося курдского историографа конца XVI столетия Шараф-хана Бидлиси, пытались продолжить многие последующие курдские хроники, однако все известные нам попытки и авторские претензии сводились к продолжению отдельно взятой главы или раздела. Единственным, кто после Шараф-хана дерзнул взяться за описание исторических судеб Курдистана в целом, а не отдельной области, династии или племени, стал уроженец города Баязида Мела Махмуд Баязиди, оказавший неоценимую помощь российскому консулу в Эрзеруме А.Д. Жабе в собирании и изучении курдских рукописей (см.: Мусаэлян, 1991).

Мела Махмуд Баязиди родился в 1797 г. и по получении соответствующего образования после смещения последнего курдского правителя Баязида выехал в Эрзерум. Его судьбоносная встреча с А.Д. Жабой произошла после переезда А.Д. Жобы в Эрзерум в 1856 г., к этому времени Мела Махмуд перенес много испытаний: османское командование пыталось использовать его при переговорах с восставшим правителем курдов Дездевире. И если тогда все обошлось и турецкие власти выразили даже удовлетворение, то, когда восстал правитель Хаккари Нурулла-бек, посредничество Мела

⁹ От анекдотов, посвященных кочевникам-думбулийцам, не удержался даже Шараф-хан Бидлиси (Шараф-наме, 1967, с. 358–359).

Махмуда вызвало негативную реакцию. Он был даже подвергнут заточению в тюрьму, хотя оно оказалось недолгим.

Когда А.Д. Жаба приехал в Эрзерум, положение Мела Махмуда было весьма бедственным и он собирался, как пишет А.Д. Жаба, выехать в Курдистан. Предложение последнего стать его сотрудником и помощником в изучении курдского языка изменило планы Мела Махмуда, и с этого времени началось их многолетнее, весьма плодотворное сотрудничество. Среди работ по истории курдов в первую очередь следует назвать выполненный Мела Махмудом Баязиди первый перевод с персидского языка на курдский I тома «Шараф-наме» (Мела Махмуд Баязиди, 1986) и подготовленную им обширную, в тысячу листов, рукопись под названием «Китаб-и таварих-и джадид-и Курдистан» («Книга по новой истории Курдистана») — по просьбе А.Д. Жабы и его щедром вознаграждении. Книга была написана в единственном экземпляре в 1857/58 г.

Хроника Мела Махмуда вызвала у А.Д. Жабы большой интерес и желание ее перевести. 30 марта 1867 г. он направил в Петербургскую академию наук на рассмотрение ученых-востоковедов выполненный им перевод на французский язык предисловия Мела Махмуда к написанной хронике. В Архиве РАН удалось обнаружить направленный в историко-филологическое отделение Императорской академии наук П.И. Лерхом отзыв на этот перевод.

Отзыв одного из ведущих курдоведов и иранистов того времени был довольно сдержанным. Как бы то ни было, дальнейшая судьба хроники Мела Махмуда Баязиди нам неизвестна. В числе курдских рукописей, принадлежавших А.Д. Жабе, которые ныне хранятся в Государственной библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, она отсутствует. В письмах А.Д. Жабы за 1867 и последующие годы мы не нашли на нее никаких указаний. От обширного исторического труда Мела Махмуда в Архиве РАН сохранился лишь выполненный А.Д. Жабой французский перевод предисловия, написанный его рукой на 50 страницах размером 21,5×17 (Архив РАН. Ф. 2, оп. 1—(1865), № 20). Известно также (А.Д. Жаба упоминает в письме к Б.А. Дорну от 13 июля 1867 г.), что кроме предисловия хроника содержала оглавление книги и список правителей, эмиров и ага, которые пользовались властью в 1200/1785–86 г. Особый интерес представляет оглавление, позволяя реально представить содержание сочинения.

Итак, единственное, чем мы сегодня располагаем, — это вводное слово Мела Махмуда Баязиди, которым автор вводит читателя в свою книгу и в круг ее проблем. Проблем много, курдский мир неоднозначен и многоцветен, полон контрастов и противоречий, труднообъяснимых на первый взгляд. Здесь все завязано в тугой узел: кочевье, оседлость, племена, конфессиональная разнородность, множественность контактов с иноэтническими общностями. На этом всем еще лежит печать изначальной политической разобщенности и раздела страны курдов.

В своем предварительном слове Мела Махмуд успеваеt сказать многое. В предисловии можно почерпнуть конкретные сведения по племенам и их расселению¹⁰, по языковой ситуации в Курдистане, как ее представлял себе Мела Махмуд.

Мела Махмуд любит свой народ, гордится древней и славной его историей, воинской доблестью курдов и их бесстрашием, презрением к опасности, готовностью прийти на помощь и способностью к самопожертвованию, отношением к женщине, которая в стране курдов не знала домашнего заточения. Однако тот, кто обратится к

¹⁰ См.: *Васильева Е.И.* Книга по истории Курдистана, которая остается найденной // ППИПИКНВ. XXIV. Ч. III. 1991. Л. 64, 67–72, 75, 76. Здесь и ниже при ссылке на текст источника сохраняется пагинация А.Д. Жабы.

предисловию Мела Махмуда в ожидании одних похвал своему этносу, возможно, будет разочарован. Автор не уходит и от негативных сторон курдской действительности. При внимательном рассмотрении приведенных негативных пассажей тем не менее можно заметить, что исполнителями таких акций у Мела Махмуда выступают курды-кочевники, кочевые племена. В отличие от своих кочевых собратьев оседлые курды — «это добропорядочные, исполненные чистосердечия собственники и люди достойные» (Васильева, 1991, ч. III, л. 56, 57, 59–62, 72, 80, 84, 86–89, 94, 96, 98, 99).

Высказывания Мела Махмуда дают зримое обозначение границы, рассекавшей курдский мир на кочевников и оседлых. В реальной жизни региона ни кочевое скотоводство, ни оседлое земледелие не были замкнутыми и неподвижными формами хозяйственной деятельности курдов. Для областей Курдистана характерна взаимосвязанность и взаимозависимость кочевника и оседлого. Непроходимый барьер между ними существовал скорее в сознании хрониста. Столь яростно, как показывает Мела Махмуд Баязиди, кочевое и оседлое сообщества противостояли друг другу с точки зрения городского жителя, каковым был автор «Книги по новой истории Курдистана». Эти социальные группы составляли единую структуру и не были чем-то застывшим и имобильным. Между ними, как отмечал М. ван Брёйнессен, **всегда** существовала мобильность, интенсивность и направленность которой определялись политической и экономической ситуацией момента (Bruinessen, 1978, p. 144).

Весьма примечательную информацию содержит введение Мела Махмуда для расшифровки номенклатурных обозначений курдских родо-племенных объединений. При всей кажущейся неустойчивости и неопределенности этой номенклатуры обращение к тексту «Шараф-наме» Шараф-хана Бидлиси, например, позволило выявить и некоторые закономерности в употреблении терминов «таифе», «ашират» и «кабиле» (Васильева, 1969), которые Мела Махмуд подтверждает полностью (Васильева, 1991, ч. III, л. 69, 70, 75, 79). Обращает на себя внимание факт, что Мела Махмуд изначально термин «таифе» воспринимает в значении «очаг», «родовое гнездо», из которого вышли все «ашираты» и «кабиле». Однако четкость семантических очертаний каждого из трех терминов в предисловии Мела Махмуда, как и в «Шараф-наме», зачастую уступает место неопределенности, и они обозначают «племя», независимо от его количественной и иной характеристики.

Предисловие к книге по новой истории Курдистана дает возможность представить политические воззрения Мела Махмуда, его оценку политической ситуации в Курдистане, ее истоков, реалий и перспективы. Точностью попадания поражает образная характеристика заселенных курдскими племенами областей, которые автор сравнивает с живой стеной, построенной «из мяса и крови» (Васильева, 1991, ч. III, л. 59). Эти племена выстроены в ряд, «как полевое укрепление от Грузии до Багдада, Басры и Шахризура». В образе этой стены воплощена, как представляется, изначальная обреченность горных областей Курдистана на выполнение функций естественной границы враждующих царств и на роль постоянно действующего полигона.

Мела Махмуд, как и Шараф-хан Бидлиси, с горечью пишет о разобщенности курдских племен, их вражде и междоусобицах, однако воспринимает курдов как единый народ с особыми, только ему присущими обычаями и единым языком (Васильева, 1991, ч. III, л. 59, 62). Приверженность части курдского этноса к езидской вере для Мела Махмуда не является этнодифференцирующим признаком, и езиды, которых порой именуют дьяволопоклонниками, не отличаются от курдов, по словам автора, ничем, кроме своей веры. Если учесть, что Мела Махмуд носил звание муллы (курд. *мела*) и принадлежал, таким образом, к сословию хранителей нормативного ислама,

последнее замечание для автора книги по новой истории Курдистана весьма примечательно.

Преодолев ограниченность конфессиональными рамками, Мела Махмуд не смог избежать регионализма, ограниченности рамками своего региона, хотя антитезы «свой–чужие» в отношении отдельных частей курдского этноса в предисловии мы не находим. Однако племена мукринские, бабанские, бильбасы и зарза, по словам Мела Махмуда, весьма отличаются от жителей Северного Курдистана. Вместе с хаккарийцами, бахдинанскими и бохтинскими курдами автор характеризует их весьма отрицательно (Васильева, 1991, ч. III, л. 72, 98, 99) в сравнении с их северными братьями, которые, как он считает, отличались чертами прямо противоположными. Таким образом, антитеза «мы–они» существует, но она лишена этнической окрашенности, как у Хусрава ибн Мухаммада, который в своей хронике называл курдистанцами исключительно курдов Арделана, или своей исторической области (Хусрав ибн Мухаммад, 1984, с. 23). Сказывается, по-видимому, недостаточная осведомленность Мела Махмуда о реалиях социальной жизни в более удаленных от него областях Курдистана, что приводит порой к фантастическим утверждениям. В качестве примера сошлемся на утверждение Мела Махмуда, что в Иране кочевые племена назывались горанами (Васильева, 1991, ч. III, л. 69).

При всей ограниченности своего восприятия курдской действительности локальными рамками Мела Махмуд Баязиди первым из историографов Курдистана поднял вопрос о курдской государственности. И если у Шараф-хана Бидлиси мысль о единстве курдов вытекает логически из его сочинения как основная идея, а у поэта Ахмеда Хани это идея выливается в горестные раздумья о судьбах курдского народа и в мечту о его объединении, то Мела Махмуд выражает уверенность в возможности объединения и создания собственного государства. По его мнению, в Курдистане для создания государства «достаточно подданных и населения», необходимо лишь объединение «по примеру других народов» (Васильева, 1991, ч. III, л. 89, 90).

Высказывание Мела Махмуда позволяет предполагать, что, участвуя по поручению турецких властей в переговорах с восставшими курдскими эмирами, он был всецело на стороне повстанцев, что и послужило причиной его последующей опалы и даже ареста.

В заключение заметим, какую ценную историческую информацию, без сомнения, должна содержать вся хроника Мела Махмуда Баязиди по курдам и их племенам, если столь информативными оказались считанные страницы его вводного слова, и выразить надежду на обнаружение этого исторического труда. Курдам необходимо тщательно изучить свои архивы, личные и семейные.

Арделанская школа курдских историографов (конец XVIII — XIX в.)

Имена курдских авторов, историографов и поэтов одно за другим возвращаются из забвения. Число установленных на сегодня имен курдских хронистов, живших и творивших в Арделане, области Юго-Восточного Курдистана, позволяет говорить о существовании целой школы местных историографов. Пока беспрецедентный для Курдистана факт наличия целого ряда локальных хроник, посвященных правлению княжеского дома Бани Арделан, создал (Васильева, 1991, с. 5) уникальную возможность для обращения к историческому прошлому Юго-Восточного Курдистана, который отдельные авторы называют колыбелью курдской культуры.

Мухаммад Шариф Кази (XVIII — начало XIX в.)

Самая ранняя из известных нам арделанских хроник — сочинение Мухаммада Шарифа Кази завершено в 1215/1800-01 г. Единственная представленная в библиотеках мира рукопись еще ждет своего издания. Хроника принадлежит к жанру «всеобщих историй», и Арделану в ней посвящена лишь одна XI глава, которую Э. Браун, составитель каталога рукописей библиотеки Кембриджского университета, справедливо назвал самой ценной частью манускрипта (Brown, 1932, p. 104). Эта часть составляет около одной пятой книги «Зубдат ат-таварих-и Санандажи».

Мухаммад Шариф Кази специально не останавливается на племенах, он описывает «всеобщую историю», в которой каждое из племен региона принимает посильное участие. В его хронике удалось обнаружить информацию о горанском племени, относящуюся к середине XVII в. По сведениям Мухаммада Шарифа Кази, арделанский эмир Калб Али-хан назначил Сафи-хан-султана Горана правителем Джаванруда и племени джаф. О судьбе племени горан и о том, как складывались его отношения с княжеским домом Бани Арделан с XII и до XVII в., не сообщает ни один из арделанских хронистов.

Столь же ценную информацию Мухаммада Шариф Кази сообщает и о племени кельхор. Она относится к XVII в. и посвящена назначению арделанского князя Мурид-Вайс-султана Кельхора «полновластным хозяином Палангана».

Приведенная информация относительно племен горан и кельхор представляет интерес, так как в XVII–XIX вв. оба племени в основной своей массе переместились в Керманшахан. Рукопись содержит ценнейшую информацию по курдским племенам.

Сочинение Мухаммада Шарифа Кази стоит у истоков локально-династийной арделанской историографии. Главу, посвященную эмирам Арделана, можно назвать первой известной нам записью местной исторической традиции.

Хусрав ибн Мухаммад Бани Ардалан, тахаллус — Джавхари (род. в 70–80-х годах XVIII в.)

Хроника Хусрава ибн Мухаммада (см.: Тарих-и Ардалан, мах-и сафар 3536; Хусрав ибн Мухаммад Бани Ардалан, 1984) написана им в 1248–1250/1833–1835 гг. в период начала ослабления власти правящего дома и усиления нажима со стороны иранского правительства. Автор принадлежал к одной из боковых ветвей дома Бани Ардалан и находился в бедственном положении. «Все было роздано, — читаем мы на странице рукописи, — чужим, [тем, что] говорили по-персидски». Это и привело к тому, что «близких и родственников эмир менее всего наделял средствами пропитания, и большинство семьи Бани Ардалан» отослал «в долину бедствия и несчастья» (Хусрав ибн Мухаммад Бани Ардалан, 1984, л. 1036, 1076).

Отсюда и проистекает концептуальная направленность хроники — упрочить позиции дома Бани Ардалан, показать древность происхождения семьи, ее заслуги, былую славу и мощь. Автор нацелен на пробуждение патриотических чувств у населения Арделана и желания оказать отпор «чужакам».

Хусрав ибн Мухаммад слово в слово повторяет данные Шараф-хана Бидлиси о территории Курдистана, а в тексте своей хроники называет Курдистаном только территорию Арделанского княжества. Название Арделан использовано в книге лишь дважды (Хусрав ибн Мухаммад Бани Ардалан, 1984, л. 100а). И при описании многочисленных битв арделанских правителей с бабанцами, джафами, зенегне и другими курдскими племенами в хронике Хусрава ибн Мухаммада курдами называются лишь арделанские «витязи». Бабанцев, джафов, авроманцев, зенгене, мукринцев и других

автор ни разу курдами не называет. Соперники арделанских властителей — Бабаны на одной из страниц хроники названы даже «чужаками» (Хусрав ибн Мухаммад Бани Ардалан, 1984, л. 536).

Таким образом, очевидно, что настоящими курдами Хусрав ибн Мухаммад считал прежде всего арделанцев, а под Курдистаном разумел Арделанское княжество. Это обстоятельство сообщает его политической и исторической концепции известную ограниченность рамками своей области. Степень этой ограниченности особенно заметна при сравнении взглядов Хусрава ибн Мухаммада с воззрениями Шараф-хана Бидлиси, который рассматривал судьбы всего курдского народа и лелеял, по всей видимости, мечту о создании единого курдского государства с могущественным монархом во главе (Шараф-наме, 1976, с. 29).

Хусрав ибн Мухаммад, как и Шараф-хан Бидлиси, разделил курдов на четыре основные группы, отличающиеся обычаями и языковыми особенностями. Однако, в отличие от автора «Шараф-наме», Хусрав ибн Мухаммад на первое место ставит племя бани арделан вместо племени кельхор в «Шараф-наме», с которым правящему дому Бани Арделан приходилось не раз встречаться на поле брани. Такое возведение бани арделан в разряд первых среди основных курдских племен объясняется все тем же стремлением возвеличить и восславить свой род и племя.

Однако, останавливаясь вслед за Шараф-ханом Бидлиси на вопросе о религиозной принадлежности племен, заселяющих вилайет Курдистана, Хусрав ибн Мухаммад раздражается бранью и проклятиями в адрес курдов, исповедующих езидизм, и называет их дьяволопоклонниками. Жесткие высказывания Хусрава ибн Мухаммада представляют собой резкий контраст со спокойным повествованием Шараф-хана Бидлиси. Согласно автору «Шараф-наме», вся вина езидов состояла в несоблюдении поста и молитвы, поскольку они ошибочно полагали, что высокочтимый ими Шейх'Ади взял на себя их молитвы и пост, «а в день Страшного суда их, не подвергая попрекам и порицанию, отправят в рай» (Шараф-наме, 1967, с. 83, 84).

Племенные сообщества, о которых в хронике Хусрава ибн Мухаммада можно почерпнуть информацию, в основном сводятся к пяти крупнейшим племенам: джафам, бильбасам, авроми, кельхорам и горанам. Первое упоминание племени джаф в арделанских хрониках находится в книге Хусрава ибн Мухаммада (Хусрав ибн Мухаммад, 1984, с. 124). Оно связано с назначением на пост правителя джафов и Джаванруда одного из представителей этого племени, «дабы они голову мятежа не поднимали и были бы шаху Сафи послушны и покорны». Арделаны явно не добились ни послушания, ни покорности, а вражда сторон закончилась эмиграцией части племени джаф на запад.

Мнения и сведения о времени и мотивах переселения джафов не совпадают (Васильева, 1991, с. 163–165). Представляется, что приведенный текст из хроники Хусрава ибн Мухаммада дает на оба вопроса четкий и точный ответ. В тексте идет речь о правящем шаху Сафи [I], а правил он в 1629–1642 гг. Именно за этот период джафское племя сумело и поднять восстание, и повоевать, и эмигрировать (частично) на запад.

Непокорность в отношении князей Арделана в не меньшей мере проявили и племена авроми, и арделанские правители не раз пытались заставить авроманских султанов быть более послушными. «Порождением гор своеволия» называет их Хусрав ибн Мухаммад. По его словам, они держали свои «головы поднятыми из воротников непослушания», предпочитая следовать «путем вражды» и «закрывая врата покорности и смирения» (Хусрав ибн Мухаммад Бани Ардалан, 1984, с. 1046).

Вспомним при этом, что именно авроманские султаны, вызывающие такое раздражение у автора хроники, оказали упорное сопротивление в 1867/68 г. царевичу

Фархад-мирзе Каджару, назначенному губернатором Арделана после свержения княжеского курдского рода.

Союз племен авроми, занимавший пограничный район эмирата Арделан, отличался в не меньшей степени, чем джафы, склонностью к мятежам. В хронике Хусрава ибн Мухаммада описано сражение армии эмира с мятежными авроманцами в начале 30-х годов XIX в. За битвой, когда «герои войска *вали*¹¹ напали на авроманцев и сцепились с ними в смертельной схватке», снова последовало «безграничное благоволение» к авроманцам, и «ныне Мухаммад-султан Авроми, который всех превзошел доброй славой, находится при его милости [арделанском эмире]», заключает историк (Хусрав ибн Мухаммад Бани Ардалан, 1984, с. 183). При всей своей строптивости племена авроми, по-видимому, охотно служили в войсках эмира, а стрелки из Авромана пользовались привилегированным правом охранять дворец князя в Сенендедже (Rich, 1836, vol. I, p. 202).

В заключение заметим, что, описывая события и порицая авроманцев за строптивость и непокорность, Хусрав ибн Мухаммад находил восхищенные, исполненные гордости слова, когда писал о вожде авроманцев — Мухаммад-султани Авроми, чья «добрая слава» превзошла всех.

Еще с одним могущественным племенем приходилось общаться княжескому дому Бани Ардалан, и общение это происходило исключительно на полях сражений. Это были бильбасы. В отдаленные времена их миграционный путь простирался до северных окраин Азербайджана. Хотя их основные районы обитания находились к югу от озера Урмия, между Ущну и Соуджбулагом и в северной части владений Бабанов, они появлялись в Арделане очень часто и совершали дерзкие набеги, не испытывая к местной власти ни малейшего почтения.

При чтении арделанских хронистов о боях с бильбасами появляется ощущение, что это было постоянное состязание в ловкости и силе. Помериться с ними силами, т.е. устроить поход на бильбасское племя, считал чуть ли не своим долгом каждый правитель из рода Бани Ардалан. Бильбасы от арделанских хронистов получили самые нелестные эпитеты, особенно от Хусрава ибн Мухаммада, который охотнее всего называет их сборищем злодеев и мерзких безбожников.

Племя бильбас вело себя как автономный социально-политический организм, полностью находилось вне систем внешних регламентаций. Бильбасы не относили себя ни к Ирану, ни к Турции, не подчинялись ни Ардаланам, ни Бабанам, кочуя вдоль всей пограничной полосы. Иного отношения и иных «похвал» за свою непокорность они у Хусрава ибн Мухаммада заслужить и не могли.

Однако именно это «сборище разбойников», как называл Хусрав ибн Мухаммад бильбасское племенное сообщество, свято выполняло закон племен об оказании покровительства преследуемому, о предоставлении крова и содействии нуждающемуся в помощи. В племени бильбас находили прибежище и военную поддержку все повстанцы и недовольные властью, даже свергнутые члены правящего дома в надежде на их помощь. Среди бильбасов укрылся правитель Бане, возглавивший в начале 90-х годов XVIII в. восстание, охватившее районы Бане, Авроман и Мариван (Мах Шараф-ханум Курдистани, 1900, с. 145). Бильбасы приняли под свой кров смещенного в 1801/02 г. Хасана Али-хана и оказали ему военную помощь (Мах Шараф-ханум Курдистани, 1900, с. 150). Список вспомоществуемых и покровительствуемых мог бы быть продолжен. Бильбасское племя можно назвать классическим во многих отношениях. Оно не только выполняло то, что считалось святым долгом племенного со-

¹¹ Звание арделанского правителя.

общества — защищать обратившихся за помощью, но имело нерушимую основу, очаг в лице правящего дома вождей племени, который так и именовался Оджах (курд. *очаг*) Ка-хыдри.

Мах Шараф-ханум Курдистани (1805–1847), тахаллус — Мастуре

Хронике Мах Шараф-ханум Курдистани принадлежит особое место в арделанской историографии. Если Хусрав ибн Мухаммад, которого от Мах Шараф-ханум отделяет пара десятилетий, не обращал внимания даже на согласование страниц, написанных со слов другого историографа, со своими собственными сведениями, то Мах Шараф-ханум по возможности стремится сведения проверить. Она вплотную подошла к критическому восприятию источника, и, хотя сомнения в той или иной информации выражены в книге всегда с большим тактом, позиция этого историографа заметно контрастирует с наивной верой во все написанное, свойственной ее предшественникам.

Мах Шараф-ханум приводит ценные сведения, связанные с родословными ведущих фамилий Курдистана. Первые девять разделов книги не приносят значительного пополнения сведений по ранней истории дома Бани Арделан. Последующие главы, написанные с привлечением первоисточников, содержат немало существенно значимой, новой и параллельной информации. Для воссоздания истории смутного времени правления последних князей дома Бани Арделан труд Мах Шараф-ханум служит важнейшим и единственным в своем роде первоисточником. Книга написана женщиной талантливой, эрудированной и эмоциональной, женой арделанского князя, свидетельницей и непосредственной участницей многих описываемых событий и дышит страстями той эпохи.

В описываемых событиях активное участие принимали племенные сообщества и их вожди, особенно авроманские. С одним из них, Хасан-султаном Авроми, Мах Шараф-ханум могла пообщаться и побеседовать в горах Авромана, при обстоятельствах отнюдь не радостных, и составить о нем мнение, весьма отличное от характеристик, которые давал авроманцам в своей книге Хусрав ибн Мухаммад.

В 1834 г. в возрасте около 30 лет умер муж Мах Шараф-ханум, арделанский князь Хусрав-хан Накам¹². Княжество охватила смута, закончившаяся назначением шахом инородца, прославившегося жестокостью. Управлять Арделаном стал Хусрав-хан Гурджи.

Было решено всем знатым арделанцам снарядить обозы и ехать в Сулейманию, искать укрытия у бабанского князя. Среди тысячи тех беженцев находилась и Мах Шараф-ханум. Ехали через горы, через Авроман, преодолевая немислимые трудности и встречая разный прием. И тут-то их, уже отчаявшихся, и встретил Хасан-султан Авроми, оказал гостеприимство и «подобающим образом исполнил обычаи племени курдов» (Мах Шараф-ханум Курдистани, 1990, с. 181–182). Таким образом, в глазах Мах Шараф-ханум авроманцы и их глава запечатлелись как хранители обычаев курдского племени, а не «сборище злодеев и злоумышленников», как их именовал Хусрав ибн Мухаммад, а позднее к нему присоединился в таких нападках и Мирза Али-Акбар Курдистани.

Заметим, что всего через четыре года, когда Мах Шараф-ханум уже не было в живых, Хасан-султан Авроми снова восстал в конце 1851 г., и арделанский князь Аманалах II, повинувшись шахскому указу, вместе с правительственными войсками направи-

¹² Букв. «не насладившийся жизнью», «умерший молодым».

вился его усмирять. Таковы были эти авроманцы, с которыми веками сражались Арделаны и иранские шахи.

Мирза Али-Акбар Курдистани

В отличие от своих предшественников — собратьев по перу Мирза Али-Акбар состоял на службе в администрации каджарского губернатора, поскольку в 1868 г. княжество Арделан перестало существовать и превратилось в рядовую иранскую губернию, во главе которой был поставлен представитель правящего шахского дома. Будучи чиновником, автор «Хадике-йи Насирийе»¹³ выражал, разделял и не мог не разделять официальные политические установки и позицию официальных властей в отношении племен.

Для любого монарха в Иране и Османской империи — государств, которые в начале XVI столетия разделили между собой землю Курдистана, — каждое мощное курдское племя вызывало постоянное, неодолимое желание его подавить. Племена не покорились официальной власти представляли собой неиссякаемый источник опасности. Численность мощного джафского племени в 20-е годы XIX в. определялась в несколько тысяч шатров. В случае необходимости, по свидетельству К.Дж. Рича (Rich, 1836, Vol. I, p. 112, 281), племя могло поставить под ружье две тысячи конников и четыре тысячи стрелков, которые считались лучшими бойцами в курдской армии.

Реально влиять на племя не смогли ни князья из дома Бани Арделан, ни тем более каджарские губернаторы, как и османские султаны. Племя практически оставалось независимым. Кочевые джафы жили в своих черных шатрах круглый год: летом — в Арделане, в горах Хаджжи Ахмед вокруг Пенджвина, в Саккыве и Мариване, осенью и зимой — в долинах Шахризура на территории Османской империи. В конце XVIII в. джафам было запрещено «ступать на землю» Арделанского Курдистана, но, несмотря на крутые меры арделанских правителей, запрещение не соблюдалось.

Могучее племя джаф, как и любое другое кочевое или полукочевое племенное сообщество, имело свой путь сезонных миграций, освященный столетиями. Это позволяло джафам рассматривать маршрут посезонного передвижения, свой «иль-рах» (букв. «путь племени»), в котором были указаны места расположения племени в разное время года, как свою собственность. Право на стоянки в Курдистане сочеталось с правом на пастбища, пожалованным или присвоенным силой, и это право было нерушимым. Так протекала жизнь джафов, которая складывалась столетиями. Племенное устройство и кочевье считались жизненно важной для общества системой. С земледельцами кочевников связывали отношения, совсем не похожие на то, как представляют их некоторые авторы. За традиционным соперничествомномада и земледельца просматривается взаимное стремление к сотрудничеству и симбиозу, что, по мнению М.Б. Роутона (Rowton, 1973, p. 249), характерно для всей Западной Азии.

Отправляясь на кочевье, племена уже в начале миграции заключали с земледельцами договоренности на выполнение транспортных работ, доставку топлива. Существовал и взаимовыгодный обмен продуктами труда. Рассказ Г. Друвиля, отражающий ситуацию в Курдистане в начале XIX в., очень показателен: «Деревенские жители бывали даже весьма довольны, когда кочевники останавливались на их полях, продавали им коров и овец гораздо выгоднее, чем на рынках» (Друвиль, 1826, ч. II, с. 178).

¹³ Текст хроники подготовлен автором этих строк к изданию, переведен с персидского на русский, снабжен введением, примечаниями и указателями, рекомендован Ученым советом Института к изданию, но остается пока неизданным.

Незаслуженно и необоснованно поэтому называл Мирза Али-Акбар Курдистани джафов злым, несправедливым племенем, «от ужаса перед дикими выходками» которого «несчастные райяты Курдистана постоянно находились в скитаниях и приниженности» (Мирза Али-Акбар Курдистани, MS Института восточных рукописей РАН. Л. 204).

Столь нелестная характеристика одного из мощнейших, прославленных племенных сообществ Юго-Восточного Курдистана не случайна и вполне объяснима, хотя и совершенно несправедлива. Книга Мирза Али-Акбара Курдистани имеет посвящение иранскому государю и рассчитана на его благосклонное внимание.

Пока правила князя из дома Бани Ардалан, при всей непокорности джафов и сложностях ситуация сохранялась в пределах нормы. Джафы и Арделаны сражались, мирились, правящие дома заключали брачные союзы, снова сражались. На джафов по приказу шаха устраивали походы, но вождь джафского племени тоже не оставался в долгу и временами приводил окрестности в трепет (Хусрав ибн Мухаммад Бани Ардалан, 1984, с. 173). Однако решение находилось всегда, и племя продолжало жить своей обычной жизнью. Посезонные передвижения с летовок на зимовье и обратно продолжались.

После 1867 г., когда с правлением дома Бани Ардалан было покончено, правительство Ирана осталось с курдскими племенами один на один. Чтобы прекратить перекочевки джафов, к местам пересечения ими ирано-турецкой границы направлялись иранские войска. Для племени нарушался привычный ритм хозяйственной жизни. Оно теряло скот, несло значительный материальный урон. Ломалась веками сложившаяся система хозяйствования.

Автор «Хадике-йи Насирийе» оценил выполнение шахского указа об «уничтожении джафского племени» царевичем, губернатором Арделана Фархад-мирзой, как одну из губернаторских заслуг перед арделанцами. Джафов Фархад-мирза, конечно не уничтожил¹⁴, но задача, поставленная перед ним, была обозначена именно таким образом. Ее можно квалифицировать как преступление царствующего дома. «Преступные» деяния же джафов заключались лишь в том, что они два раза в году пересекали ирано-турецкую границу, по обе стороны которой жили курды, и передвигались по исторической территории Курдистана.

При оценке такого рода высказываний автора в отношении курдских племен авроми и джаф следует учитывать, о чем упоминалось выше, одно немаловажное обстоятельство. Мирза Али-Акбар состоял на службе у каджарского губернатора, выражал, разделял и не мог игнорировать официальную политическую установку и позицию шахской фамилии. Однако при наличии такого рода характеристик и пассажей нельзя не отметить обстоятельство, которое представляется автору этих строк весьма существенным для оценки реальных взглядов историка.

Мирза Али-Акбар весьма почтительно относится к кодексу племен («Канун-и ашират», или «Закону племен»), почитая их как «вековые устои, непререкаемые для курда». В процессе написания книги он порицал тех правителей Арделана, которые нарушали «Закон племен», и отзывался с похвалой о тех, кто ему следовал. Такую похвалу получил от автора губернатор Курдистана Шихаб ал-Мулх, который обходился с народом Курдистана, соблюдая обычаи племен и аширатов.

Мирза Али-Акбар Курдистани не только порицал или хвалил отличившихся правителей на страницах своей книги. Этот «Закон племен» помог самому Мирзе Али-

¹⁴ Хотя в тексте хроники мы читаем: «Этот высокородный царевич, следуя приказу венценосного монарха, так постарался с ними покончить, что на страницах [истории] Курдистана от них не осталось [ни] имени, [ни] следа». См.: Мирза Али-Акбар Курдистани. MS Института восточных рукописей РАН. Л. 203.

Акбару Курдистани в 1884 г. уладить конфликт двух арделанских племен, тилаки и галбаги. В это время автор хроники находился в Мукринском Курдистане, где состоял при Сайф ад-Дине Мукри в должности *муниши-баши*, главного секретаря. Телеграммой наследника престола он был вызван в Арделан, тщательно изучил обстоятельства конфликта и уладил его по обычаю племен.

Можно не без оснований предположить, что курдские племена как таковые не вызвали негативного отношения у Мирзы Али-Акбара, а пассажи с джафами и авромийцами легко объяснимы его официальным положением, когда писалась эта книга.

Список сокращений

ППиПИКНВ — Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока. Л.–М.

Et² — The Encyclopaedia of Islam. New edition. Leiden–London

Список литературы

Архив РАН, ф. 2, оп. 1–(1865), № 20.

Бамдад М. Тарих-и риджал-и Иран корун-и 12–13–14, та’лиф-и Махди Бамдад. Тихран, 1966.

Васильева Е.И. Термины «таифе», «ашират», «кабиле» в сочинении Шараф-хана Бидлиси «Шараф-наме» // ППиПИКНВ. V. Л., 1969.

Васильева Е.И. Юго-Восточный Курдистан в XVIII — начале XIX в. Очерки истории эмиратов Арделан и Бабан. М., 1991.

Васильева Е.И. Версии «инородного» происхождения знатных курдских фамилий как социальный феномен // ППиПИКНВ. XXIV. Ч. 1. М., 1991.

Васильева Е.И. Книга по истории Курдистана, которая остается найденной // ППиПИКНВ. XXIV. Ч. III. М., 1991.

Васильева Е.И. Шараф-хан Бидлиси. Эпоха. Жизнь. Бессмертие. СПб., 2005.

Друвиль Г. Путешествие в Персию в 1812 и 1813 гг. / Пер. с франц. Ч. II. М., 1826.

Мах Шараф-ханум Курдистани. Хроника дома Ардалан (Та’рих-и Ардалан) / Пер. с перс., введ. и примеч. Е.И. Васильевой. М., 1990.

Мела Махмуд Байазиди. Таварих-и кадим-и Курдистан (Древняя история Курдистана) Т. I / Перевод «Шараф-наме» Шараф-хана Бидлиси с персидского языка на курдский (курманджи). Изд. текста, предисл., указ. и оглавление К.К. Курдоева и Ж.С. Мусаэлян. М., 1986.

Мирза Али-Акбар Курдистани. Хадике-йи Насирийе. MS Института восточных рукописей РАН.

Мусаэлян Ж.С. А.Д. Жаба и курдоведение // ППиПИКНВ. XXIV. Ч. III. М., 1991.

Мухаммад Шариф Кази. Зубдат ат-таварих-и Санандаджи. MS библиотеки Кембриджского университета.

Папаян А.Д. Новые источники по истории курдского народа // Страны и народы Ближнего и Среднего Востока. Т. VI. Курдоведение. Ереван, 1975.

Петрушевский И.П. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XV — начале XIX в. Л., 1949.

Петрушевский И.П. Ислам в Иране в XII–XV веках. Л., 1966.

Рашид Сабри Рашид (Рашид Миран). Этноконфессиональная ситуация в современном Курдистане. М.–СПб., 2003.

Тарих-и Ардалан. Та’лиф-и Хусрав ибн Мухаммад ибн Манчихр Ардалан машхур ба Мусанниф. Тихран, мах-и сафар 3536.

Тарих-и Мардух. Та’лиф-и Мухаммад Мардух Курдистани. Джилд-и I–II. [Б.м.], 1944.

Хусрав ибн Мухаммад Бани Ардалан. Хроника (История княжеского дома Бани Ардалан). Факсимиле рук., пер. с перс., введ. и примеч. Е.И. Васильевой. М., 1984.

Шараф-хан ибн Шамсадин Бидлиси. Шараф-наме / Пер., предисл., примеч. и прил. Е.И. Васильевой. Т. I. М., 1967.

- Шараф-хан ибн Шамсаддин Бидлиси*. Шараф-наме / Пер. с перс. предисл., примеч. и прил. Е.И. Васильевой. Т. II. М., 1976.
- Bruinessen M. van*. Agha, Shaikh and State. On the Social and Political Organization of Kurdistan. Utrecht, 1978 (repr. New Jersey, 1992).
- [*Browne E.G.*] A Descriptive Catalogue of the Oriental MSS, Belonging to the Late E.G. Browne by E.G. Browne / Completed and Edited by R.A. Nicholson. Cambridge, 1932.
- Mardukh Abdollah*. Contribution à l'étude de l'Histoire des Kurdes sous la dynastie Ardalān du XVIe siècle au XIXe siècle. Thèse de doctorat. P., 1988.
- Minorsky V.* Kurds, Kurdistan. III. History // *EI*². Vol. V. 1981, fasc. 85–86. P. 447–464.
- Nikitine B.* Les Kurdes. Étude sociologique et historique. P., 1956.
- [*Rich Cl.J.*] Narrative of a Residence in Koordistan and on the Site of Ancient Nineveh... by... Cl.J. Rich. Vol. 1–2. L., 1836.
- Rowton M.B.* Autonomy and Nomadism in Western Asia // *Orientalia*. 1973. Vol. 42. Fasc. 1–2.

Summary

E.I. Vasilyeva

Kurdish Historiographers on Kurdish Tribes

The 16th–19th centuries are represented by chronicles of Kurdish historiographers who wrote their works in Persian. Naturally, each author had his own view of the Kurdish tribe determined by the historiographer's descent, social status and also by the place he lived in — depending on whether he was a villager or a town-dweller.